

М.В.Нестеров и В.Г.Чертков

Фрагмент из воспоминаний С.Н.Дурылина о М.В.Нестерове, глава десятая.

Источник: <http://art-nesterov.ru/durilin133.php>

Date: 26 августа 2009

...

В 1934 году, кроме портрета Шадра, Нестеров написал второй портрет с А. Н. Северцова, блестящий по живописи. Следующий, 1935 год дал три портрета -- все с различными творческими почерками для решения новых художественных задач. Два из них -- второй портрет Павлова и второй же портрет Юдина -- нам уже известны. Третьим портретом, их предшественником в этот год, был портрет Владимира Григорьевича Черткова. История этого портрета совсем иная, чем портретов Шадра, Северцова, Юдина и Павлова. С другом, единомышленником, издателем и редактором Л. Н. Толстого -- с Чертковым Нестеров был знаком давно, еще с 1889 года, встречаясь с ним в Кисловодске, где они оба тогда гостили у художника Н. А. Ярошенко.

Много лет спустя, уже в советские годы, Нестеров зарисовал эти встречи:

"Чертков тотчас же вносил свой особый тон, и, как бы ни было перед тем шумно и весело, с его появлением на балконе все замирало -- замирало под его тихими, методическими, все прощающими речами. Со мной Владимир Григорьевич был ласков, внимателен, он был гораздо осторожнее со мной, чем страстный южанин Н. Н. Ге. Чертков не терял еще надежды обратить автора "Отрока Варфоломея" в свою веру -- дело ладилось плохо, и только упрямство еще заставляло его со мной возиться. Я же чем больше к нему приглядывался, тем дальше уходил от него".

Чертков и после безрезультатных разговоров в Кисловодске не оставлял молодого художника своим вниманием. Так, в 1892 году Нестеров писал из Киева своим родителям: "Недавно я получил очень любезное письмо от Черткова и подарок от него, только что изданный "Посредником" альбом с картин русских художников..." По-видимому, у Черткова был искренний интерес к деятельности и к личности молодого Нестерова.

В 1907 году судьба свела их в Ясной Поляне. Чертков был рад помочь Нестерову в устройстве сеансов для писания портрета с Л. Н. Толстого. Нестеров был признателен ему за это. Но в отношении его к Черткову, сколько мне приходилось от него слышать, всегда было некоторое чувство обвинителя: он полагал, что именно Чертков "сворачивает" Толстого в толстовство, отводит его от художественного творчества в область моральной философии. Между тем сам Нестеров, по его словам, "питая восторженное преклонение перед гениальным художником Толстым, не чувствовал влечения к его религиозно-философским воззрениям". Много раз приходилось мне доказывать Михаилу Васильевичу, что интерес к религиозно-философским, моральным и социальным вопросам был присущ Льву Николаевичу еще тогда, когда Черткова не было на свете, но доказательства были тщетны. У Нестерова оставалось убеждение, что упрямый, своевластный, "методический" Чертков отстранял Толстого от его "романов" к его "писаниям", моральным и религиозным. Их Нестеров действительно не любил и резко от них отталкивался. Но одной чертой в Черткове -- даже в том Черткове, образ которого он сам себе создал, -- он всегда восторгался: его властной расправой с самим собой. Михаил Васильевич всегда любил людей с характером смелым, с натурой крупной и сильной, способной на жизненные переломы, падения и восстания. Таков, по его представлению, был Чертков. Он не мог не восхищаться тем, что этот родовитый богач, блестящий гвардеец, "красавец мужчина", пленявший великих княгинь на придворных балах, сумел переломить себя, отбросить в сторону все блестящее, шумное, яркое, как ненужную ветошь, и пошел учиться к мужику, ища простоты, правды труда. Однако до писания портрета с Черткова было очень далеко. Но в 1934 году Черткову исполнилось 80 лет. По желанию сотрудников Комитета по юбилейному изданию академического Собрания сочинений Л. Н. Толстого, возглавлявшегося В. Г. Чертковым, с него была снята хорошая фотография.

-- Он похож был на старообрядческого архиерея, -- вспоминал А. П. Сергеенко, личный секретарь Черткова -- большая голова, седая борода, истово читает книгу.

Благообразное лицо. Явилась мысль: нельзя ли заказать портрет Черткова от комитета?

Сергеенко отправился к Нестерову.

Нестеров приветливо встретил посланца, к фотографии "старообрядческого архиерея" отнесся критически. От писания портрета отказался.

Чем больше настаивал Сергеенко, тем сильнее был протест. Но в конце концов, и совершенно неожиданно, Нестеров сказал:

-- А ну-ка покажите фотографию.